

Христа ради, потеряй свою жизнь.

Зависимость — странное явление. У меня есть друг, который говорит, что проблема с алкоголем заключается в том, что его «просто недостаточно». Люди без зависимостей часто понимают это неправильно. Однажды я услышал, как кто-то сказал человеку, страдающему от зависимости: «Когда ты решил следовать этому пути...» На

самом деле внутри зависимости остается очень мало места для решения. Само заболевание, зависимость делает выбор. Вовлеченному человеку часто остается беспомощно смотреть на то, как такие люди проходят очередной виток спирали зависимости, наблюдая за тем, как вся их жизнь движется в направлении, где они становятся бессильными что-либо изменить.

*«Сначала ты выпиваешь алкоголь,
затем алкоголь выпивает алкоголь,
а потом алкоголь выпивает тебя».*

(Ф. С. Фицджеральд)

Это легко можно объяснить на примерах алкоголя и наркотиков. Однако я думаю, что вся наша культура — культура зависимости. У тех, кто подсел на наркотики или алкоголь, ситуация просто более определенная, они могут разглядеть свою зависимость более ясно.

В списке грехов, которые упоминаются в Священном Писании, пьянство занимает достойное место. Однако есть и более глубокая привязанность, гораздо масштабнее, которая играет более значительную роль и в Библии, и в наших жизнях, — это корысть. Простенькое слово, которое кажется несколько старомодным, словно вышедшим из романов Диккенса. И в самом деле, оно настолько ушло из нашего активного словарного запаса, относящегося к вопросам морали, что (не краснея) можно заявить, что «корысть — это хорошо». У греков есть еще более наполненный оттенками смыслов термин — плеонексия. Он означает «желание иметь больше». И такое определение действительно предполагает несравненно более крупную и распространенную проблему.

Желание «иметь больше» покоится в центре современной цивилизации. Богатство и успех все больше воспринимаются как обещание стать желанным. Мы часто оцениваем экономику по показателям роста, а не по каким бы то ни было другим показателям благосостояния. Жадность для нас означает просто хотеть слиш-

ком многого. Однако у нас не получается бросить вызов самому желанию.

Здесь меня заботит не сама экономическая теория, а лишь те ее проявления в отношениях, которые могут быть названы «духовностью» культуры. Если в потребительской культуре существует духовность, лучше всего ее можно описать словом плеонексия, алчность. Вот что движет потребителями.

К сожалению, это правда: если бы завтра мы снизили градус алчности, мир, каким мы его знаем, разрушился бы. У нас нет внутреннего контроля над алчностью — в этой роли выступает разве что лимит наших кредитных карт.

Если наше желание иметь больше должно поддерживаться на заданном уровне, нам самим необходимо верить в это и согласиться принимать участие в этом процессе. И тут наша зависимость выходит на первый план. Мы не только хотим иметь больше, часто мы оказываемся бессильными хотеть меньше. «Синдром раскаяния покупателя» — это не выдумка, это версия потребительского похмелья.

Если желание иметь больше свелось бы к материальным благам, возможно, оно было бы всего лишь в тягость. Однако плеонексия — заболевание духовное, оно поражает нашу жизнь целиком. Плеонексия, алчность — не расстройство, которое можно свести к одной-единственной области нашей жизни. Мы хотим больше — всего: больше вещей, больше секса, больше еды, больше развлечений — и так до бесконечности.

В Царствии Небесном самоопустошение — это принцип настоящего бытия (см. Флп 2:5–11). Итак, мы оказываемся поработочными духовным законом высочайшей иронии: мы жаждем большего, что влечет нас все дальше и дальше от нашего соб-

ственного бытия. Чем больше мы получаем, тем меньше существуем.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Это высказывание Христа воплощается ежедневно на протяжении всей нашей жизни. Стоит отметить, что великий писатель Александр Солженицын вновь обрел веру, будучи в ГУЛАГе. Странно, но бессодержательность жалкого существования в лагере стала для него сокровищем.

Православный путь жизни целенаправленно требует нас отбросить дух мамоны. Мы постимся, мы учимся быть щедрыми — и мы делаем это, идя по жизненному пути. Мы не созданы приобретать. Наша жизнь обретается на Кресте. Крест — это и место, где Христос достиг нашего спасения, и путь спасения сам по себе. Это мудрость, и это сила Божия. *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф 16:25).

Есть множество людей, всерьез озабоченных тем, как функционирует национальная экономика (они просто «постят» свои идеи на тему экономики в «Facebook», чтобы потом следить за трафиком). Большая часть наших мыслей плодятся теми же потребительскими/политическими/информационными конгломератами, которые оказывают на нас давление, выводя на первый план потребительские заботы. И тем не менее в настоящее время христиане должны убедиться в том, что их собственное отрицание потребительской культуры не приведет к краху экономики. Но, если мы откажемся уйти от разнообразных форм плеонексии, под угрозой окажется сама целостность наших душ.

Думая о духовной природе алчности, мы поступим мудро, если пересмотрим всю свою жизнь. Ведь мое желание иметь больше отталкивает от меня других людей или ставит их в положение за-

вистливых соперников, которые вмешиваются в мою жизнь, мое время, мои планы, мои интересы, мои удовольствия и т. д.

Христа ради, потеряй свою жизнь. К чему пытаться приобрести мир?

ФРИМАН Стивен, священник

